# ПРОБЛЕМА ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МАССЫ

УДК 111.6

***Г.Ю. ЧЕРНОВ***

Экспликация философских и научных понятий, понимаемая как их уточнение, замещение представлений обыденного сознания точными научными понятиями, является необходимым моментом в познании мира, в особенности при формировании новых дисциплин или субдисциплин. Именно такая ситуация, по нашему мнению, складывается в отношении теории социально-массовых явлений (массологии), тесно связанного с социальной философией междисциплинарного направления исследований массовых феноменов, действующих в триединой системе «общество – культура – человек».

Экспликация базового для осмысления системы социально-массовых явлений (СМЯ) понятия «масса» осложняется рядом обстоятельств:

множественностью вариантов толкования «массы» уже на ранних этапах употребления этого термина, в период от античности до Возрождения, что показывает анализ этимологии термина [см.: 6];

возникновением в XX веке двух разнонаправленных тенденций исследования массы («масс») и основанных на них традиций истолкования этого феномена: *с одной стороны*, связанной с изучением феномена массовизации, массового производства и потребления индустриальной, а затем и постиндустриальной эпох, массовых общества, культуры и человека на Западе, преимущественно базирующейся на элитократической критике массы, восходящей к гегелевской и ницшеанской философской линии; *с другой стороны*, апологии массы («масс») как революционно-преобразующей силы общества, прогрессивного народного большинства в советской философской и социальной науке, апеллирующей к марксистскому и ленинскому идейному наследию (причём последняя стала устойчивой парадигмой мышления нескольких поколений представителей российского научного и экспертного сообщества);

наличием различных исследовательских подходов к массовым явлениям в обществе (разнодисциплинарных или тяготеющих к различным философским школам) – политико-ориентированного (кратологического), социально-психологического, культурцентристского, экзистенциалистского и других, – каждый из которых претендует на конструирование собственного концепта массы (как оппозиции правящей элиты, рационального индивида, духовно-нравственной элиты, самобытной, созидающей собственную судьбу личности, соответственно);

влиянием структур «повседневного знания», обыденного сознания, как исходных для всякого мышления и интерсубъективных, на язык и мышление представителей научного сообщества, на феномены парадигмального, группового мышления учёных, что в совокупности зачастую ведет к консервации упрощённых значений понятия («мнимой очевидности») как конвенциональных определений. В отношении социальной массы это проявляется в рассматриваемых ниже трактовках её как «абстрактной массы» или «неразличённого множества», в отождествлении массы с социальным большинством общества и «народом».

Цель настоящей статьи – краткий критический разбор положений и заблуждений, которые могут стать или уже являются препятствиями для экспликации понятия социальной массы, отвечающей состоянию современного философского и научного знания и социально-культурных реалиям. В первую очередь речь пойдёт о сохраняющихся стереотипных подходах к пониманию массы в постсоветском обществознании и социальной философии и их эвристических перспективах.

В отличие от характерных для Запада элитаристских теорий, с их тезисами о ведущей роли элит (творческих меньшинств) и мимесисе масс в развитии цивилизаций (например, в работах А. Тойнби), о роли великих людей в истории и развитии наций, толкование масс в советской науке было скорее эгалитаристским. Масса трактовалась преимущественно как социальное большинство, являющееся подлинным творцом истории, в политической идеологии возникало манихейское, по сути, противопоставление трудящихся (эксплуа-

тируемых) масс и праздного класса (класса эксплуататоров, властвующей элиты), олицетворяющих силы Добра и Зла. Такое представление с очевидностью диссонировало с суждениями, к примеру Ф. Ницше, разделявшего общество на «касту свободного труда» (элита) и «касту принудительного труда» (масса) [3, с. 254].

Своеобразным продуктом синтеза марксистской теории и российской «почвы» стало, на наш взгляд, использование гибридного термина «народные массы» (у К. Маркса и Ф. Энгельса это сочетание практически не встречается, в философских трудах – например известной работе «Святое семейство» – речь идет о «массе человечества», о массе как антитезе элитарным индивидам Гегеля и Б. Бауэра). Образчиком использования «массы» в таком контексте служит, например, статья Б.Ф. Поршнева в «Советской исторической энциклопедии» (1966), где дается классическая для той поры характеристика сущности и роли «народных масс». «Народные массы» – это непосредственные производители *материальных* ценностей, трудящиеся; в антагонистических обществах – эксплуатируемые классы, в социалистическом обществе – рабочие, крестьяне, интеллигенция. Им присуща двойственная созидательная роль: во-первых, их трудом создаются все материальные блага и многие духовные ценности общества; во-вторых, их классовая (особенно революционная) борьба служит проявлением действенной исторической роли масс в антагонистических обществах. *Именно народные массы обеспечивают поступательное развитие общества,* причем характеристика их роли в истории «неразрывно связана с положением о прогрессивном возрастании роли народных масс при переходе от одной формации к следующей» [4].

Такой подход, по нашему мнению, формировался отнюдь не из одного источника – марксистско-ленинской теории и мобилизационно-ориентированной публицистики. Другим важным фактором становления данного подхода является специфика российской ментальности – её коллективистский дух, артельность, коммюнотарность, стремление, по Н.А. Бердяеву, «жить в тепле коллектива», православно-христианское понимание равенства и потребительской аскезы. В сочетании с такими чертами, как максимализм и мессианизм, эти свойства коррелировали с коммунистической идеологией, порождали феномен «русского коммунизма» (следствием чего было и утверждение начала эгалитарно-тоталитарного, подавляющего всё «лично и соборно возвышающееся»). Поскольку ментальность обладает значительной устойчивостью, исторической инерционностью, в российской социокультурной среде, в том числе в элитарном слое, такой подход к «народным массам» имеет тенденцию к воспроизводству и в изменившихся исторических обстоятельствах (крушение мирового коммунизма, вхождение в глобальное общество массового потребления), в том числе и как форма неприятия новаций, ностальгии по «имперскому» прошлому, коих в определенной мере не чужд и автор данного текста.

Ещё одно обстоятельство: в сочетании «народные массы» тоталитарно-унифицирующее «массы» маскируется и «согревается» тёплым, архетипически позитивным словом «народ» («народные»), в котором проглядывают близкие каждому смыслы – «род», «родина», «родной», «нарождаться».

Однако в таком подходе к массе (массам) можно обнаружить ряд противоречий и опасных тенденций для социальных теории и практики:

*во-первых*, фактическое (хотя и открыто не вербализированное) противопоставление массы элитам (лучшей, отборной части общества, профессионалам, согласно этимологии), которым отказывается как в праве рассматриваться частью народа, так и в возможности влиять на (обеспечивать) *поступательное развитие общества*; элиты, таким образом, отождествляются с паразитарными классами, не играющими существенной роли в истории, что может провоцировать и провоцировало элитофобию и элитоцид (сталинские репрессии, «культурная революция» в КНР и т. п.);

*во-вторых*, архаичная и узкая трактовка труда как деятельности по производству вещей (материальных благ), но не знаний и услуг; рассмотрение как безусловного приоритета производителей материальных ценностей, прежде всего пролетариата, в социальном развитии, при недооценке роли когнитариата – производителей знаний и технологий, менеджеров – специалистов по управлению обществом и отдельными организациями и других страт современного общества, контуры которых вполне обозначились к 60-м годам XX века;

*в-третьих*, неправомерное, на наш взгляд, отождествление понятий «народ» и «масса».

Народ – в культурологическом и лингвистическом смыслах – это то, что *нарождается*, что имеет и сохраняет связь с родной землей, национальным «космосом» (Г. Гачев), это создатель «фольклора» и носитель традиций. Вместе с урбанизацией и доминированием городского уклада жизни такой народ (крестьянский, по сути), скрепленный устойчивыми эмотивными связями людей внутри поселений, вытесняется атомизированными и десолидаризированными городскими жителями, формируемыми в относительно гомогенную массу потребителей и реципиентов СМИ и «массовой культуры».

Ставшее уже классическим разграничение «народа» и «массы» дал выдающийся немецкий философ К. Ясперс в своей работе «Истоки истории и её цель». Народ, согласно Ясперсу, органически связан со своей землёй, историей и традицией, он есть источник смыслов и творческой активности, и в то же время, предмет изучения и пестования со стороны своей элиты. Масса – это урбанистическое новообразование, оторванное от корней во времени и пространстве, «полое», безосновное в ценностном отношении, управляемое внешними коммуникаторами. Народ – явление многокачественное, состоит из личностей, является субъектом-творцом культуры и источником индивидуально-личностного становления. Масса же, по К. Ясперсу, явление квантитативное, количественное; она не структурирована, не обладает самосознанием, традицией, является *объектом* пропаганды и внушения.

Современный человек, по К. Ясперсу, противоречиво сочетает в себе черты народа и массы: в качестве массы стремится к универсальному, к моде, к сиюминутному; в качестве же народа – к существованию в качестве незаменяемой личности, к живому искусству, к историческому. При этом сам человек должен прилагать усилия для сохранения связи с народом, однако ситуация понуждает его к массовому существованию [8, с. 142–143].

При таком подходе в самом сочетании «народные массы» обнаруживается смысловое противоречие, свойственное оксюморону, уместному в искусстве, но не в науке и философии (подобно противоречиям, что заложены в сочетаниях «живой труп», «вегетарианское мясо» и т.п.).

Серьёзным препятствием в экспликации понятия социальной массы, а затем и формировании философски обоснованной онтологической картины СМЯ, в центре которой располагается концепт «массы», является доминирование, и по сей день, в языке российского научного сообщества дефиниций «массы», опирающихся, с одной стороны, на обретшие силу традиции смысловые коннотации советской эпохи («народные массы, массы трудящихся, народное большинство, пролетарская масса» и т. п.), с другой же стороны, тяготеющих к суждениям и мнениям (впечатлениям), свойственным обыденному сознанию, когда, как указывает М.И. Найдорф, «масса» повсеместно употребляется в значении «неразличённого множества» [2].

Так, в сравнительно недавнем, по времени публикации (начало 2000-х годов), исследовании О. Карпухина и Э. Макаревича масса постулируется как «трудящееся большинство населения, решающая сила социального прогресса» [1, с. 11]. А.И. Яковлев и Н.П. Кириллов в монографии «Сознание народа» отождествляют «массу» с «народом»: и тем, и другим терминами обозначают, по их мнению, большинство населения, проживающего на территории одного государства [7, с. 96].

Такие трактовки «массы» представляются контрпродуктивными для познания социально-массовых явлений, поскольку:

в основание понятия, потенциально претендующего на роль категории социальной философии, закладываются штампы обыденного, «дотеоретического» сознания и языка, позволяющие применять термин «масса» к любого рода «неразличённым множествам». При этом «масса» не является квалифицирующим термином, ответом на вопрос о характере рассматриваемого множества, и, в то же время, не создаёт достаточного напряжения для вопрошания. Исследователь попадает в ловушку «мнимой очевидности», когда вроде бы и нет необходимости в дальнейшем познании данной «массы», а ответы даны априори;

подобные трактовки уводят от реалий и анализа проблематики современного «массового общества», в котором пролетариат и крестьянство уже не составляют «народного большинства», в структуре городского (основного) населения доминируют представители сферы услуг (в том числе менеджеры по продажам, т. н. «офисный

планктон»*), а силы общественного прогресса олицетворяет, скорее, «когнитариат», производители знаний, информации, новых технологий (по О. Тоффлеру);

в аксиологическом, ценностно-ориентированном плане «масса» позиционируется исключительно как позитивная, исторически прогрессивная сила, а гомогенность, единообразие как социальное благо. Подобная «апологетика» массы вступает в противоречие с феноменами агрессивных, стяжательных толп (Киргизия, Франция, Ливия, Египет 2010-2012 гг.), а также формирующейся повсеместно в мире метаобщности асоциальных, равнодушных к себе подобным, да и к судьбам человечества, потребителей-гедонистов.

При этом парадоксальным образом указанная модель трактовки «массы» и «массового» в качестве социальной установки прокладывает дорогу для массовизации «нового образца», характерной для «общества потребления» или же «позднего потребительского капитализма», по Ж. Бодрияру. Ведь если частью массы быть не только не постыдно, но и престижно (поскольку это прогрессивные социальные классы, творцы истории), а также «уютно», комфортно (быть «как все», быть вместе со всеми, что не требует усилий, работы индивида по самосовершенствованию), то и никакой внутренней мотивации для формирования творческой индивидуальности и дистанцирования от массы не возникает.

Установка на антропосоциокультурное единообразие (в её тоталитарном, «северокорейском» варианте, либо в новоявленной модели потребления как всепоглощающей и всезамещающей универсалии человеческого бытия, по В. Г. Федотовой [5]), имплицитно содержащаяся в рассматриваемых трактовках «массы», прокладывает дорогу либо не противодействует действительной массовизации общества, культуры и человека, работе политиков, ньюсмейкеров, рекламодателей, телешоуменов по формированию ценностно и когнитивно гомогенных, деиндивидуализированных и десубъективированных, и, в силу этого, податливых к внешнему воздействию масс.

Язык науки, в том числе – формирующейся науки о социально-массовом, нуждается в критическом переосмыслении и исключении накопившихся за последнее столетие излишних, искусственно сконструированных, зачастую коренящихся в обыденном («массовом»!) мнении дефиниций «массы», пусть даже на данный момент они имеют статус конвенциональных, или же представляются таковыми. В процессе экспликации научно-философского понятия массы и формирования общей теории СМЯ необходимо придерживаться принципа *семантического минимализма* (минимизации), ориентирующего на ограничение числа модусов значений базовых терминов («масса», «массовое»), используемых в социальной философии и социально-гуманитарных науках, в соответствии с векторами значений, содержащимися в этимологии; на отсечение коннотаций и искусственно навязанных значений, ведущих к созданию научного «новояза» (закрепившегося затем в научной конвенции, отражающего инерцию языковой традиции, диссонирующую с динамикой социальных изменений); на дистанцирование от обыденных трактовок и «дальнозоркой» установки на рассмотрение массы как «неразличённого множества», лишающей исследование социальных множеств признаков конкретности и эвристичности.

Построение онтологических моделей социально-массовых явлений может опираться на ряд этимологически (и онтологически) исконных, восходящих к античности и, частично, к Возрождению, значений «массы» и «массового»: а) «количественность» (объёмность, множественность) в сочетании с «однородностью»; б) «перемешивание», «смешение» (стирание границ и различий между вступившими во взаимодействие ингредиентами, редукция личностей до состояния частиц толпы, «человека-массы»); в) «хаос» (первобытной протосоциальности; новейший «хаос» кануна бифуркации, перехода к новому состоянию социального или же его полному распаду; маргинальное, переходное состояние социальных страт и индивидов) [6]. Все эти значения имеют реальные денотаты в лице «массового человека» эпохи потребительского капитализма, толпы, маргинальной массы (социальные кризисы, миграция из стран «третьего мира»), «избыточных масс» – неолюмпенов, из-

*Согласно данным Госкомстата за 2010 г. из 69,363 млн занятых в народном хозяйстве РФ к производственная сфере относились 24,432 млн работников (35,2 %), а к непроизводственной (сфере услуг) – 44,931 млн (64,8 %, т.е. около двух третей всего занятого населения).

гоев-дезадаптантов постиндустриального общества.

Необходима новая научная «конвенция» относительно употребления термина «масса», свободная от упрощающей банализации («масса» = «большинство», «народ» и т.п.). Народ не должен превращаться в массу или даже трактоваться как «масса», т.е., по сути, как гомогенное, десубъективированное образование; социальное большинство не должно априори объявляться непогрешимым носителем истины и социального прогресса.

Экспликация понятия массы должна сопрягаться как с семантическим анализом, так и с анализом актуальных, действительных форм бытования массы. Семантическим ядром «массы» является указание на гомогенность её состава, на «единый способ существования» составляющих её элементов. Таким критериям в современном социальном пространстве удовлетворяют два вида действительной массы: а) стабильный «атомарный» субстрат массового – «массовый человек» («человек массы»), своеобразный «микрокосм» СМЯ, в «свёрнутом виде» содержащий в себе интенции, получающие реализацию в «массовой культуре» и «массовом обществе». Основными характеристиками «массового человека» выступают неразвитость субъектного и творческого начал, миметичность, гомогенность, мифологическая установка в построении картины мира (ориентация не на истинность, а на «правдоподобие»), управляемость извне (Д. Рисмен); б) толпа, рассматриваемая нами как масса «ad hoc» («по случаю», актуальная масса), представляющая собой уже субстрат массового на «молекулярном» уровне, взаимодействие гомогенных в психическом отношении индивидов-атомов, скреплённых общим фокусом внимания и общностью психических переживаний и реакций; она содержит все признаки массовизации индивидов – их гомогенизации и десубъективации. И «массовый человек», и толпа являются проявлениями действительной массовости (с такими её признаками, как гомогенность, десубъективация, деэлитаризация), в отличие от «массовости» абстрактной, основанной на неполном знании структуры и свойств социального множества, понятийных коннотациях или практической установке субъекта (конструирование массы).

1. Карпухин О., Макаревич Э. Формирование масс: Природа общественных связей и технологии «паблик рилейшенз»: Опыт историко-социологического исследования [Текст]. Калининград: ФГУИПП Янтарный сказ, 2001. 547 с.

2. Найдорф, М.И. К понятиям «толпа» и «масса» [Электронный ресурс] // Библиотека «Типология культур». URL: http://www.countries.ru/library/typology/tolpa_massa.htm (дата обращения: 09.01.2010).

3. Ницше, Ф. Полн. собр. соч. Пер. под общ. ред. проф. Ф. Зелинского и др. М.: «Моск. кн-во», 1911. 349 с.

4. Поршнев, Б.Ф. Народ [Текст] // Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 9. М.: «Сов. энциклопедия», 1966. С. 908–910.

5. Федотова, В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. 2010. № 10. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=209&Itemid=52 (дата обращения: 10.03.2012).

6. Чернов, Г.Ю. Социальная «масса»: этимологический и семантико-философский анализ [Текст] / Г.Ю. Чернов / Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2011. Вып. 20. № 2. С. 44–50.

7. Яковлев, А.И., Кириллов, Н.П. Сознание народа: [монография] [Текст]. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. 372 с.

8. Ясперс, К. Истоки истории и её цель [Текст] // Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 28–286.